

**КВАЛИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**

Перина Анжела Сергеевна
аспирант кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала),
Университет прокуратуры Российской Федерации
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

Предмет исследования: нормы уголовного закона, устанавливающие ответственность за преступления против личности, а также разъяснения, отраженные в Постановлениях Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58, от 25.12.2018 № 46, от 04.12.2014 № 16.

Цель исследования: поиск оптимальных уголовно-правовых инструментов совершенствования уголовного закона и правоприменительной практики в части квалификации новых способов совершения «традиционных» преступлений против личности (убийства, похищения человека, торговли людьми, развратных действий, нарушения неприкосновенности жилища), а также общественно опасных деяний, ответственность за которые прямо не закреплена в уголовном законе, но обладающих способностью причинения вреда правам и свободам личности в условиях цифровизации (дипфейки, сталкинг, кибербуллинг).

Методы и объекты исследования: в основу работы положены формально-логический метод, методы аналогии, обобщения, дифференциации, а также сравнительно-правовой и формально-юридический методы исследования общественных отношений в сфере охраны прав и свобод личности.

Результаты исследования: сформулированы предложения по квалификации действий, направленных на причинение вреда личности посредством использования современных технологий, а также по совершенствованию норм действующего уголовного закона и положений Постановлений Пленума ВС РФ в части, способной оказывать влияние на уголовно-правовую оценку деяния в условиях преступного использования цифровых технологий против личности.

Ключевые слова: преступления против личности, квалификация преступлений, цифровые преступления, новые угрозы личности, цифровизация.

QUALIFICATION OF DIGITAL CRIMES AGAINST PERSON: PROBLEMATIC ISSUES

Anzhela S. Perina
Postgraduate Student of the Department of Criminal Law,
Criminology and Penal Enforcement Law,
St. Petersburg Law Institute (branch),
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: anzhela.perina@yandex.ru

Subject of the research is the norms of the criminal law establishing responsibility for crimes against the person, as well as explanations reflected in the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 58 of December 24, 2019, No. 46 of December 25, 2018, No. 16 of December 04, 2014.

Purpose of the research is to improve the criminal law and law enforcement practice in terms of the qualification of new ways of committing «traditional» crimes against the person (murder, kidnapping, human trafficking, depraved acts, violations of the inviolability of the home), as well as socially dangerous acts, responsibility for which is not directly enshrined in the criminal law, but having the ability to harm human rights and personal freedoms in the conditions of digitalization (deepfakes, stalking, cyberbullying).

Methods and objects of research: one of the methods used was the formal logical approach to the cognition of legal phenomena; also, the methods used were methods of analogy, generalization, differentiation, comparative-legal and formal-legal methods of research of public relations in the field of protection of individual rights and freedoms.

Main results of research: is proposals have been formulated for the qualification of actions aimed at harming the individual through the use of modern technologies, as well as for improving the norms of the current criminal law and the provisions of the Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in terms can influence the criminal legal assessment of the act in the conditions of criminal use of digital technologies against the individual.

Keywords: crimes against person, qualification of crimes, digital crimes, new threats to person, digitalization.

Введение

Проблема использования компьютерных технологий при посягательствах на охраняемые уголовным законом общественные отношения становится объектом научных исследований с момента совершения первого такого посягательства (Примечание 1. Первое преступление с использованием компьютера в СССР было зарегистрировано в 1979 г. в Вильнюсе. Ущерб государству от хищения составил 78,5 тыс. рублей. Случай был занесен в международный реестр правонарушений подобного рода и явился своего рода отправной точкой в развитии нового вида преступлений в нашей стране).

Научно-технический прогресс способствует стремительному развитию технологий различного рода. И, если компьютерные технологии начинали использоваться для совершения преступлений против собственности, то на сегодняшний день актуальной становится проблема посягательств на личность, ее права и свободы с помощью современных цифровых устройств.

Значимость исследования вопросов уголовно-правовой оценки общественно опасных деяний против личности, совершенных с использованием компьютерных технологий, обусловлено приоритетностью охраны прав и свобод человека и гражданина, закрепленной в Конституции Российской Федерации (ст. 2), а также особым структурированием норм одного из основных инструментов ее обеспечения – Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) (далее – УК РФ), в котором ответственность за посягательства на личность закреплена в первую очередь (раздел VII).

Распространение «цифрового» способа совершения преступлений на уже имеющиеся составы, направленные против личности, становится актуальнее с каждым днем: появляются возможности дистанционного убийства, доведения до самоубийства, совершения торговли людьми онлайн, нарушения неприкосновенности частной жизни и пр. Кроме того, появляются новые угрозы личности, за которые в настоящее время уголовная ответственность не предусмотрена или закреплена лишь в той или иной части общественно опасного деяния.

Научные исследования в области преступного использования компьютерных технологий при совершении преступлений посвящены различным аспектам соответствующего феномена: преступлениям в сфере компьютерной информации, поиска обобщающего понятия, криминологическим аспектам, отдельным составам преступлений, хищению информации с компьютерных устройств, использованию робототехники в преступной деятельности, совершению мошенничества с помощью технологий. Однако проблема использования современных

достижений науки и техники при посягательствах на личность недостаточно изучена. Попытка сфокусировать внимание именно на этом и отражает научную новизну исследования.

Настоящее научное исследование посвящено вопросам квалификации цифровых преступлений против личности в следующих аспектах. Во-первых, кратко рассмотрены проблемные вопросы квалификации «традиционных» преступлений против личности, закрепленных уголовным законом, которые совершаются с использованием технологий, и способы их решения. Во-вторых, обозначены новые появляющиеся угрозы личности и предложены варианты их квалификации.

В действующем уголовном законе обозначено 9 составов преступлений, в которых присутствует признак использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»): п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ст. 138.1, ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. Вместе с тем цифровые технологии внедряются злоумышленниками в механизм совершения и иных посягательств на личность, нормы об ответственности за которые не включают обозначенный квалифицирующий признак (убийства, похищения человека, торговли людьми, развратных действия, нарушения неприкосновенности жилища). Более того, появляются новые способы причинения вреда личности, ответственность за которые не предусмотрена напрямую ни в одной статье УК РФ (дипфейки, stalking, кибербуллинг).

Однако указанные деяния нуждаются в правовой оценке ввиду возникновения сложностей при их квалификации в правоприменении в условиях отсутствия разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этому вопросу или их недостаточности.

В связи с вышеизложенным целью исследования является научно обоснованное установление особенностей уголовно-правовой оценки «цифровых» преступлений против личности. Для достижения соответствующей цели проведен анализ проблем квалификации общественно опасных посягательств на личность в условиях цифровизации, на основе которого предложены рекомендации по совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления против личности, совершаемых с использованием компьютерных технологий.

Поскольку в доктрине уголовного права отсутствует единство мнений относительно аспекта использования современных технологий при совершении преступлений, а также относительно содержательной составляющей понятия «технологии», а их выработка не является частью настоящего исследования, то в ходе изложения результатов исследования различные технологии будут пониматься как равнозначные, а группа преступлений будет обозначена понятием «цифровые» преступлений против личности.

Результаты и обсуждение

Общественно опасное поведение злоумышленника, которым причиняется вред личности, в зависимости от особенностей его уголовно-правовой оценки можно условно разделить на две группы: I – преступления, ответственность за которые уже закреплена в УК РФ, но в информационную эпоху все чаще при их совершении используются различные возможности цифровых технологий, повышающие их общественную опасность и II – деяния, связанные с посягательством на права и свободы личности, совершение которых обусловлено стремительным распространением цифровых технологий, но ответственность за которые отдельно не предусмотрена нормами УК РФ.

При этом в теории уголовного права существуют различные подходы исследователей к их уголовно-правовой оценке.

I. В рамках первой из обозначенных групп анализу подвергался ряд составов преступлений против личности, в которых объективная сторона потенциально все чаще предполагает возможность включенности в нее современных технологичных решений. Однако ограниченность в числе рассматриваемых в рамках исследования составов не означает их исключительность. Перспективы включенности цифровых технологий в признаки составов и иных преступлений раздела VII УК РФ достаточно велики. Распространенность использования современных технологий

злоумышленниками при посягательствах на личность обусловлена рядом факторов, в числе которых их доступность, предоставление возможности действовать анонимно, обеспечения удаленного характера воздействия и др., обуславливающие принятие решения в их пользу при выборе средств и способов совершения преступлений против личности.

1. Убийство. С учетом развития цифровых технологий стало возможным совершенное «цифровым способом» причинение смерти другому лицу, уголовная ответственность за которое в рамках действующего законодательства предусмотрена ст. 105 УК РФ.

В контексте использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для совершения посягательств на жизнь и здоровье личности высказывается точка зрения о том, что умышленное вовлечение лица, который в силу возраста или психического расстройства потерпевший не понимает характер и значение совершаемых с собой действий (при осознании соответствующего фактора виновным), в такое поведение, связанное с причинением себе смерти, должно квалифицироваться как убийство (покушение на убийство) малолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии [26, с. 355]. В данном случае речь может идти о случаях оказания воздействия на лицо через общение в социальных сетях с целью вовлечения его в опасное для жизни поведение.

Вместе с тем именно удаленный характер общения обуславливает наличие временного интервала, позволяющего отказаться потерпевшему от подобных действий, причиняющих вред собственному здоровью, оставляя выбор и возможность обратиться за помощью к другим лицам для разъяснения характера воздействия. При таких обстоятельствах говорить об убийстве не приходится, поскольку воля жертвы не подавляется окончательно и достижение цели злоумышленником на лишение себя жизни потерпевшим может быть квалифицировано по соответствующей статье УК РФ, предусматривающей склонение к совершению самоубийства или п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ при отсутствии умысла, направленного на формирование желания уйти из жизни.

Появление несколько иных случаев использования технологий для причинения смерти можно обозначить как «удаленное убийство». Такое деяние совершается без непосредственного физического воздействия одного человека на другого, которое стало возможным в виду дистанционного управления современным медицинским оборудованием, все чаще оснащенное беспроводным интерфейсом доступа. Например, когда происходят манипуляции с оборудованием, обеспечивающим поддержание жизни жертвы [31]. Такая «комфортность» лишения жизни другого человека посредством использования технологий придает уверенности в своих действиях и уменьшает шансы на отказ от их совершения.

Кроме того, использование искусственного интеллекта или робототехники в медицине приводят к риску неправомерного доступа к программному обеспечению. Так, в 2016 г. было совершено одно из первых целенаправленных убийств с использованием робота: пациент отделения интенсивной терапии погиб от подачи в капельницу смертоносного состава вместо предписанного лекарства [17, с. 153].

Описанные ситуации свидетельствуют о воздействии на оборудование в целях лишения жизни другого лица умышленно, осознании этого факта и желании наступления преступных последствий. При этом такое использование технологий может рассматриваться как особый «цифровой» способ лишения жизни и состоит в прямой причинно-следственной связи с наступлением преступного результата – смерти лица.

Уголовно-правовая оценка таких деяний в настоящее время не отражает специфики такого способа в силу отсутствия их распространённости. В связи с чем квалификация сводится к ч. 1 ст. 105 УК РФ, охватывающей все иные способы совершения преступления, не обозначенные в ч. 2 указанной статьи. При этом при описании признаков состава преступлений правоприменителями может быть учтен не только способ совершения деяния, но и характеристику субъекта преступления, которая наряду с общими признаками, свойственными субъекту «простого» убийства, будет содержать высокий уровень компетентности в применении

цифровых технологий, их возможностях и противоправный обход системы информационной безопасности медицинского учреждения, оказывающее влияние на опасность деяния.

В некоторых случаях, когда используются компьютерные программы, заведомо предназначенные для несанкционированной нейтрализации средств защиты компьютерной информации, возможна дополнительная квалификация по ч. 1 ст. 273 УК РФ.

2. Торговля людьми. Существование проблемы использования компьютерных технологий при совершении торговли людьми и связанные с ней сексуальная и иная эксплуатация людей, особенно женщин и детей, было обозначено на международном уровне [1]. В частности, в Глобальном докладе Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) о торговле людьми за 2020 год [29] отмечается адаптация методов торговцев людьми для киберпространства, выраженную в использовании преимуществ цифровых платформ для рекламы, вербовки и эксплуатации жертв, общению с ними без личных встреч, воздействия на них с использованием общедоступной информации и пр. Расширились и формы эксплуатации, поскольку веб-камеры и прямые трансляции сократили потребность в транспортировке и передаче жертв.

Действующий УК РФ в соответствии со ст. 127.1 УК РФ закрепляет ответственность за торговлю людьми без указания специального квалифицирующего признака использования компьютерных технологий при ее совершении.

Исходя из анализа судебных решений о привлечении к уголовной ответственности за торговлю людьми действительно размещение рекламы намерении совершить сделку в отношении человека все чаще осуществляется в социальных сетях. Например, приговор Таганского районного суда г. Москвы № 1–27/2015 от 12.03.2015 о признании виновным по ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, содержит указание на размещение объявления о продаже интимных услуг и передаче двух девушек в подневольное состояние в социальной сети «ВКонтакте», а также осуществление переписок онлайн по этом вопросу. В соответствии с приговором Люберецкого городского суда Московской области № 1–37/2017 от 31.01.2017 женщина разместила в сети «Интернет» объявление о продаже своего неродившегося ребенка сразу после рождения и вела переписку и телефонные разговоры об этом с покупателем.

Таким образом, использование цифровых технологий позволяет осуществлять взаимодействие дистанционно с человеком, находящимся даже в других странах или регионах, размещать объявления о намерении совершения таких действий в целях получения наибольшего охвата потенциальных покупателей и т.д. Общение может происходить без личных встреч через мессенджеры. Торговцы людьми могут связаться с потенциальными жертвами в открытых группах в социальных сетях, а затем перевести общение в зашифрованные или анонимные сервисы, такие как обмен сообщениями WhatsApp на мобильных телефонах.

Наглядная демонстрация возможностей интернет-технологий по устранению необходимости в физическом взаимодействии между торговцами людьми и жертвами обуславливает аргументированность в позиции представителей научного сообщества о наличии повышенной общественной опасности таких деяний. При этом отмечается, что в рамках такого способа нельзя игнорировать факты направленности на воздействие психики большого круга лиц, затруднением работы правоохранительных органов по обнаружению лиц, вербующих потерпевших и пр. [6, с. 67].

Ученые отмечают, что в контексте рассматриваемого деяния на практике могут возникнуть затруднения с определением момента «фактической передачи и получения потерпевшего» в тех случаях, когда, например, продавец сообщает покупателю место, где находится потерпевший; или момента «получения согласия потерпевшего на осуществление деятельности, для которой совершается вербовка», при осуществлении вербовки посредством размещения виновным в сети «Интернет» объявления с предложением об устройстве на работу [14, с. 18; 23].

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58) указано, что при совершении иных действий, образующих торговлю людьми, содеянное

квалифицируется как оконченное преступление при передаче или получении человека либо с момента начала его перевозки или укрывательства с целью эксплуатации. При этом действия по передаче означают предоставление потерпевшего другому лицу, в том числе для осуществления перевозки, укрывательства, эксплуатации потерпевшего, а действия по получению – принятие потерпевшего от лица, его передающего, в частности, для перевозки или укрывательства, а равно для его эксплуатации.

Определение момента фактической передачи-приема человека при совершении сделки может не вызвать трудности при выполнении физического обмена: покупатель – деньги, продавец – человека (как в случае с продажей младенца в указанном выше примере). Однако случаи отсутствия такого «традиционного» для совершения сделок обмена и физического сопровождения потерпевшего, например, при его самостоятельном перелете в другую страну для работы, о которой злоумышленник ввел в заблуждение жертву, и прибытии к месту «работы», могут вызывать затруднения при квалификации.

Представляется, что в целях единообразия правоприменительной практики в подобных случаях целесообразно дополнить п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 следующими разъяснениями: «Преступление, предусмотренное ст. 127.1 УК РФ, окончено также в момент передачи человека (договоренность о которой достигнута заранее с использованием цифровых технологий и сообщения инструкций по дальнейшим действиям, данным в сетевом общении) посредством предоставления проездных документов для перевозки и прохождения регистрации человека для ее осуществления с последующим его принятием в пункте назначения и началом сопровождения». Такой подход обусловлен необходимостью зафиксировать момент совершения сделки в отношении человека в тех случаях, когда потерпевший внешне самостоятельно, но в соответствии с удаленным контролем своих действий со стороны злоумышленника совершает действия, входящие в объективную сторону состава торговли людьми.

3. Похищение человека. Действующим уголовным законом ответственность за незаконные захват, перемещение и последующее удержание человека предусмотрена ст. 126 УК РФ.

Исследователи обращали внимание и на уязвимости разрабатываемых беспилотных автомобилей, как то ненадежность программного обеспечения, которое может быть подвержено взлому, слежке, потере приватности, возможности злоумышленников изменить направление движения и т.д. [12, с. 17]. Обозначенные угрозы могут привести к совершению такого общественно опасного деяния как похищение человека.

Представляется, что такие действия как подключение к системам обеспечения движения высокоавтоматизированного транспортного средства, принудительное изменение маршрута, блокировка дверей беспилотного транспортного средства с перемещением и последующим удержанием против воли пассажира, находящегося внутри такого автомобиля необходимо квалифицировать как похищение человека.

Беспилотные транспортные средства функционируют не абсолютно самостоятельно, они входят в соответствующий комплекс, имеющий в своем составе другие беспилотные транспортные средства, центр управления, диспетчерские пункты, ретрансляционные узлы, станции подзарядки и т.д. [12, с. 22]. В принятом 25.03.2020 г. Распоряжении Правительства Российской Федерации № 724-р «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» указано на необходимость убедиться в защите от перехвата управления высокоавтоматизированного транспортного средства при его эксплуатации. Вместе с тем именно наличие подобной функции автономного управления автомобилем позволяет злоумышленникам использовать уязвимости или неисправности системы для причинения вреда личности в виде нарушения права на свободу перемещения.

Целесообразно п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 дополнить указанным предложением, обозначив, что «В случае совершения похищения человека посредством использования беспилотного автомобиля, в котором находится потерпевший, преступление считается оконченным с момента подключения к системам беспилотного автомобиля,

получения доступа к программе управления им и начала принудительного перемещения по маршруту, не запланированному потерпевшим».

4. Нарушение неприкосновенности жилища. В рамках группы преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина, угрозы использования «цифрового» способа могут возникнуть при нарушении неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ). Так, соответствующий состав преступления может быть совершен против воли проживающего в нем лица способом, предполагающим подключение к системам умного дома.

Обозначенная угроза уже осознана с учетом анализа судебной практики. Так, не смотря на отсутствие прямого указания в уголовном законе признака использования компьютерных технологий при осуществлении незаконного проникновения в жилище, положениями Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 46) даны разъяснения относительно новых угроз: так, по смыслу статьи 139 УК РФ незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения).

В данном контексте возникает вопрос о моменте окончания такого преступления. В случае физического проникновения в жилище преступление признается оконченным с момента незаконного проникновения в пределы жилища, независимо от продолжительности нахождения в нем. Представляется, что п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 46 целесообразно дополнить следующим положением: «Моментом окончания незаконного проникновения в жилище с использованием технических средств является момент получения доступа к визуальному или звуковому восприятию пространства внутри границ жилища, а также получения доступа к системе, позволяющей обеспечить открытие дверей и пр. запирающих устройств, устранение таким образом препятствий для входа и последующее физическое проникновение».

Также при квалификации такого общественно опасного деяния необходимо учитывать, что применение технических средств для нарушения неприкосновенности жилища возможно не только против воли проживающего в нем лица, но и помимо его воли, то есть в том случае, когда проникновение осуществляется неочевидно для проживающего в нем, однако с учетом всех обстоятельств имеются основания для однозначного нежелания присутствия в нем других лиц у проживающего (например, запирающие замки, установление пароля для доступа к системам умного дома и пр.).

При этом при последующем незаконном лишении свободы, действия виновного следует квалифицировать также в соответствии со ст. 127 УК РФ, в случае когда потерпевший остается в месте его нахождения и ограничивается в передвижении без законных на то оснований посредством запирающих замков умного дома, смены паролей для доступа к открытию двери и т.д.

5. Развратные действия. Современной угрозой в сфере совершения половых преступлений, о которой пишут ученые, можно обозначить совершение развратных действий (ст. 135 УК РФ) с использованием информационно-телекоммуникационных средств, включая сеть «Интернет».

Несмотря на отсутствие такого признака в конструкции статьи 135 УК РФ, указание на такой способ есть в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (далее – Постановление Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16): «Развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей».

В доктрине уголовного права выделяют два вида развратных действий: физические (обнажение половых органов, различного рода прикосновения к половым органам как самим

преступником к своим, так и склонение к этому потерпевшего; демонстрация полового акта или иных действий сексуального характера несовершеннолетнему; онанизм, мастурбация или склонение к ним потерпевшего и т.п.) и интеллектуальные (показ материалов порнографического содержания; чтение порнографической литературы; ведение бесед на сексуальные темы циничного характера). При этом указанные действия совершаются именно с целью пробудить интерес к сексуальным отношениям у потерпевшего. Развитие цифровых технологий обусловило возможность выполнения не только интеллектуальных, но и ряда физических развратных действий при трансляции онлайн в личной беседе или в видеочатах, в том числе с количеством собеседников более одного. Стал возможен сбор из различных источников и распространение чужих «произведений» на своей странице в социальных сетях, созданных сайтах, чатах, форумах, в виде комментариев под какими-то записями; размещение на своих информационных ресурсах в сети интернет-ссылок на сайты, содержащие порнографические изображения несовершеннолетних (рекламирование) [2].

Цифровые технологии используются и для онлайн общения с последующей личной встречей с потерпевшими. В литературе их называют кибергруминг, означающий выполнение действий несовершеннолетнего лица, направленных на установление в Интернете доверительного контакта с ребенком с целью склонить его к вступлению в сексуальную связь или даже сексуальную эксплуатацию. Типичный механизм кибергруминга заключается в том, что злоумышленник общается в сети Интернет с ребенком, выдавая себя за ровесника либо ребенка немного старше, знакомится в чате, на форуме или в социальной сети с жертвой, пытается установить с ней дружеские отношения и перейти на личную переписку [2]. В данном случае, отмечают авторы [24, с. 5], имеет место «удаленный» характер совершения развратных действий в сети «Интернете». Интернет используется злоумышленником в качестве наименее ресурсозатратного и одновременно удобного, легкодоступного инструмента, для поиска и склонения будущей жертвы к действиям полового характера в реальной жизни.

Преступление при использовании информационно-телекоммуникационных сетей может быть совершено с использованием подменных ников, обеспечивающих возможность анонимности, выдачи себя за другого человека, изменив возраст, имя, пол и прочие характеристики, обеспечивающие снижение бдительности у подростка.

В случае, если такие действия сопровождаются применением психологического насилия в отношении жертвы, то согласно разъяснениям Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16, их следует квалифицировать в соответствии с ч. 3 или 4 ст. 132 УК РФ (в зависимости от возраста потерпевшего) (п. 21).

Относительно непосредственно развратных действий, ученые отмечают, что на сегодняшний день наиболее частыми цифровыми технологиями, используемыми для бесконтактного развращения подростков, выступают социальные сети, мобильные приложения WhatsApp или Viber, Skype, сайты знакомств, форумы и чаты [3, с. 180].

Стоит обратить внимание на некоторые трудности при квалификации развратных действий, совершаемых в сети «Интернет».

Во-первых, имеющаяся в уголовном законе юридическая фикция, данная в примечании к ст. 131 УК РФ (Примечание 2. В соответствии с указанным примечанием к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 УК РФ, а также п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3-5 ст. 134 и ч. 2-4 ст. 135 УК РФ, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий), позволяющая совершенные без признаков насилия развратные действия оценивать как насильственное половое преступление, подлежащее квалификации по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, несколько неоднозначна, поскольку объективная сторона каждого из указанных преступлений может существенно отличаться. В связи с чем справедливо указывается на противоречие принципу запрета применения уголовного закона по аналогии [7, с. 63].

В этом случае «текущая редакция примечания к ст. 131 не оставляет правоприменителю полностью законного варианта решения ситуации: он должен либо пренебречь данным примечанием, квалифицировав деяние по ст. 135 УК РФ; либо применить запрещенную аналогию либо вообще отказаться от уголовной репрессии, что будет противоречить уже принципу гуманизма, декларирующему защиту интересов потерпевших от посягательств» [7, с. 64].

Такой подход обоснованно критикуется учеными [20]. Действительно, предложенная в примечании квалификация развратных действий, снижает возраст субъекта ответственности с 18 до 14 лет (об этом также особо указано в п. 20 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16), и игнорирует возрастные особенности развития несовершеннолетних в части осознанности и возможности умственного понимания лицом смысла, общественной опасности совершаемых им действий, а также вреда для потерпевшего или возможности его причинения [18, с. 227], поскольку осуществление переписки интимного содержания между подростками и обмен такими фотографиями, становится уголовно наказуемой наравне с совершением полового акта с лицом, не достигшим 14-летнего возраста.

Кроме того, п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 обозначено, что мотив совершения преступлений, предусмотренных ст. 131 и 132 УК РФ, для квалификации содеянного значения не имеет. Однако ст. 135 предполагает особенности субъективной стороны виновного, обозначенные в п. 17 Постановления: развратные действия должны быть направлены на удовлетворение сексуального влечения виновного, или на вызывание сексуального возбуждения у потерпевшего лица, или на пробуждение у него интереса к сексуальным отношениям. В контексте применения примечания указанная направленность мотивации теряет сущностно-образующий характер, что также является непоследовательным [27, с. 90].

В целях устранения указанных проблем квалификации необходимо в первую очередь определиться с четким содержанием развратных действий и иных действий сексуального характера, позволяющим отграничить их друг от друга. Следует согласиться с позицией ученых, предлагающих сформулировать понятие «развратные действия» по остаточному принципу для квалификации посягательств на половую неприкосновенность, не охватываемых признаками иных составов преступлений, предусмотренных гл. 18 УК РФ [11, с. 39]. При этом п. 17 Постановления дополнить термином «иные действия сексуального характера» с четким указанием его содержания, аналогично понятиям полового сношения, мужеложства и лесбиянства.

Исходя из этого, справедливо предлагается подход об исключении случаев, когда бестелесные формы сексуального воздействия квалифицируются в качестве насильственных действий сексуального характера [15, с. 92], что ограничит объективную сторону ст. 135 УК РФ исключительно совершением действий, состоящих в интеллектуальном бесконтактном воздействии на несовершеннолетнего с указанными в Постановлении Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 целями [22, с. 97].

Такой подход обусловлен особенностями своего содержания, выраженными не в совершении сексуального удовлетворения извращенными или сопутствующими половому акту способами, а особенностями воздействия на психическую составляющую формирующейся у подростков личности и восприятия сексуальных отношений [19, с. 19].

Обоснованной представляется и позиция авторов о закреплении в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 положения о необходимости квалифицировать в соответствии со ст. 135 УК РФ совершение бесконтактных развратных действий с угрозой применения насилия [5, с. 199].

Во-вторых, существует неопределённость и при квалификации развратных действий по совокупности преступлений. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 развратные действия, совершенные без применения насилия ил угрозы его применения и без использования беспомощного состояния потерпевшего лица одновременно или в разное время в отношении двух и более лиц, не достигших 16-летнего возраста, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 17 УК РФ не образуют совокупности преступлений и под-

лежат квалификации по ч. 3 ст. 135 УК РФ при условии, что ни за одно из этих деяний виновный ранее не был осужден.

Однако использование цифровых технологий позволяет злоумышленнику по вновь возникшему умыслу совершать развратные действия хоть ежедневно в отношении разных лиц или одного и того же ребенка бесконтактным способом. Возможно и совершение развратных действий одновременно в отношении нескольких лиц при онлайн общении. При этом альтернативные цели, указанные в диспозиции статьи могут отличаться. Так, общение в социальной сети с одним ребенком у злоумышленника предполагает достижение его собственного сексуального влечения, а в этой же социальной сети с другим ребёнком в другом чате направлено на вызывание сексуального возбуждения ребенка. Продолжительность общения с каждым из них также может быть разной. Представляется, что единого умысла в данной ситуации нет и необходимо квалифицировать указанные действия как совокупность преступлений, предусмотренных ст. 135 УК РФ.

Другим случаем является, когда виновный совершает развратные действия, например, в общем чате, созданном для общения на сексуальные темы для аналогичных целей, в котором состоит он и еще минимум 2 ребенка; или может возникнуть ситуация, когда общение онлайн происходит с одним ребенком, который в процессе разговора сообщает виновному, что просмотр в их чате фотоматериалов или видео, направление которых было мотивировано побуждением у подростка интереса к сексуальным отношениям, осуществляется ей вместе с ровесницей; или виновный наблюдает, что к подростку присоединяется еще один ребенок для общения в видеочате с виновным, который демонстрирует половые органы, например. В данных случаях, при продолжении совершения развратных действий при осознании увеличения числа несовершеннолетних, с которыми происходит общение, представляется, что преступление охватывается единым умыслом на совершение развратных действий в отношении двух и более лиц.

Таким образом, следует согласиться с профессором Поповым А.Н. об отсутствии совокупности в случае совершения единого продолжаемого преступления в отношении двух и более лиц при установлении обстоятельств, свидетельствующих о наличии единого умысла виновного лица на совершение деяний в отношении нескольких потерпевших [20, с. 20]. Представляется целесообразным дополнить п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 следующим положением: «Совершение развратных действий без применения насилия и без использования беспомощного состояния потерпевшего образуют совокупность преступлений в случае установления судом отсутствия единого умысла на совершение таких действий в отношении одного и того же или разных лиц, а также при установлении разных целей даже при одновременности общения с несколькими потерпевшими».

II. В рамках группы деяний, посягающих на личность, ее права и свободы, ставших возможными в процессе стремительной цифровизации, также рассмотрим лишь некоторые из них, наиболее распространенные.

1. Цифровые технологии развиваются в различных направлениях. В современных условиях стало возможным интегрировать то или иное изображение в нужный злоумышленнику контент видео или фото. При этом не всегда искусственность итогового изображения очевидна обычному обозревателю без соответствующей технической подготовки или специальных технических инструментов выявления подделки. Речь идет о технологии Дипфейк (deepfake), которая позволяет имитировать чей-то голос, лицо, обстановку и пр. По своей сути это форма мультимедиа, которая накладывает существующее изображение или видео на контент, созданный искусственным интеллектом, который напоминает чей-то голос или внешний вид [30].

Изображения или видеозаписи, создаваемые предназначенными специально для этого приложениями, могут порочить честь и достоинство потерпевшего и причинять иной ущерб правам и свободам человека. Однако правоприменителям не всегда может удаваться дать верную квалификацию таким действиям. Исследователи отмечают, что «основная проблема

дипфейков на сегодняшний день заключается в том, что сфера искусственного интеллекта слабо охраняется и регулируется законом» [9, с. 62].

Цели, которые преследует злоумышленник, могут быть различными: причинение моральных и психологических страданий; понуждение к тем или иным действиям, выгодным виновному, посредством угрозы распространения подобных дипфейков, оказывая психологическое давление на жертву; месть; преследование развлекательных целей и пр. При этом зачастую потерпевший может находиться в неведении и даже не подозревать о наличии поддельных видео- или фотоизображений и доступе к ним неопределённого круга лиц.

Общественная опасность подобных действий заключается в угрозе причинения вреда личности посредством создания «дипфейков», претендующих на высокую степень реалистичности, через легко доступные любому современному человеку программы даже без специальных знаний, а также высокой скорости распространения информации в сети «Интернет» без возможности остановить такой поток передачи неограниченному числу людей или полностью стереть цифровой след подобных деяний.

Отсутствие конкретной нормы об ответственности за создание и распространение «дипфейков» не означает невозможность привлечения к уголовной ответственности за подобные общественно опасные деяния.

В целях неотвратимости наказания и достижения его целей представляется возможным квалифицировать создание и распространение «дипфейков» в соответствии со ст. 128.1 УК РФ (преимущественно часть 2 указанной статьи) как клевету, то есть распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию.

Однако в диспозиции ст. 128.1. УК РФ указано, что потерпевшим может выступать только «другое» лицо. Такая формулировка не позволяет относить к указанному преступлению в случае недоказанности причинения вреда именно иному лицу размещение «дипфейка» от имени потерпевшего в сети «Интернет», то есть посредством созданного аккаунта от его имени или путем завладения доступом к существующей странице потерпевшего в социальной сети. В целях исключения безнаказанности подобных деяний Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» может быть дополнено следующим разъяснением: «При доказанности неправомерного доступа к аккаунту потерпевшего или использования другим лицом созданной поддельной (фейковой) страницы от имени потерпевшего человека для распространения «дипфейков» подобные случаи следует квалифицировать в соответствии со ст. 128.1 УК РФ».

2. Одной из современных угроз личности ученые называют такое явление как stalking, которое исходя из практики зарубежных стран можно обозначить как длительное систематическое навязчивое преследование какого-либо лица (stalking — преследовать). Ранее подобные действия рассматривались в качестве одного из видов домашнего насилия, поскольку в большинстве случаев они совершаются бывшими супругами или партнерами, но в настоящее время stalking приобрел самые разнообразные формы — харассмент, порноместь (revenge porn), фанатство, моббинг и др. Однако развитие цифровых технологий (появление информационно-телекоммуникационных сетей, оцифровка сведений о личности, размещение данных о местоположении с помощью GPS, появление GPS-трекеров, позволяющих отслеживать перемещение человека в режиме онлайн и пр.) обусловило распространенность такого явления как киберсталкинг (cyberstalking — преследование кого-либо в Интернете одним человеком или группой лиц), который признается одной из угроз информационной безопасности личности [28, с. 54].

Преследователи злоупотребляют знаниями о личной жизни лица, нарушая ее границы и причиняя ущерб принадлежавшим ей правам и свободам [8, с. 515], которое может выражаться в многочисленных звонках, сообщениях в соцсетях и мессенджерах, неправомерном доступе к компьютерной информации, в угрозах применения насилия, оскорблениях, понуждении к действиям сексуального характера, распространении клеветы и сведений конфиден-

циального характера (например, размещение в сети Интернет материалов сексуального характера без согласия потерпевшего), в рассылке анонимных подарков, включая предметы порнографического характера, в уничтожении, повреждении и порче имущества, ожидании около дома или работы, незаконном проникновении в жилище и т.п.

Некоторые авторы выступают с предложением дополнить диспозицию статьи 137 УК РФ признаком систематического преследования потерпевшего или иного вмешательства в его частную жизнь, что предполагает криминализацию stalking [21, с. 390], или даже ввести отдельную норму в уголовный закон, устанавливающую ответственность за stalking [16, с. 55; 4].

Вместе с тем представляется, что подход, выражающийся в криминализации stalking, не поможет решить проблемы ответственности за другие похожие действия, а создает новые проблемы в виде отграничения от других составов, криминализующих отдельный элемент stalking и пр.

В рамках уголовного закона в целях неотвратимости наказания за подобные действия, посягающие на права и свободы личности, представляется целесообразным квалифицировать stalking в рамках имеющихся составов, предусмотренных УК РФ в зависимости от содержания выполняемых им действий. Так, в случае наличия в действиях угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью – в соответствии со ст. 119 УК РФ. При этом реальность осуществления угроз в данном случае может быть связана именно с навязчивостью преследования и совершения действий, связанных с понуждением к общению помимо воли потерпевшего. В случае признаков понуждения к действиям сексуального характера, в том числе в сети «Интернет», в социальных сетях, смс-сообщениями и пр. по ч. 1 ст. 133 УК РФ или п. «б» ч. 2 ст. 133 К РФ в зависимости от возраста потерпевшей. При собирании сведений о частной жизни лица – в соответствии со ст. 137 УК РФ, при наличии признаков нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений или неприкосновенности жилища – по ст. 138 УК РФ и ст. 139 УК РФ соответственно.

3. Еще одним явлением современности, несущий в себе угрозу личности, является кибербуллинг (получил свое название от английского слова bull — бык, с родственными значениями: агрессивно нападать, задирать, придирается, провоцировать, донимать, терроризировать, травить).

По своей сути кибербуллинг представляет собой умышленное, постоянные или систематические агрессивные действия, выполняемые одним человеком или группой лиц и направленные против потерпевшего, с целью причинения ему психологического дискомфорта, вреда, оказание давления на психику подростка и пр. Обычно такие действия осуществляются посредством направления сообщений в личных чатах, по электронной почте, в группе в социальной сети, в комментариях к фотографии, записях, в различных общих чатах, в которых состоит множество людей, форумах и пр.

Авторами выделяются разные виды кибербуллинга. Например, флейминг (воспламенение), троллинг, киберstalking (киберпреследование), секстинг, исключение (игнор), взлом и фейковые страницы [10, с. 53].

При этом злоумышленник не может наблюдать психологических страданий жертвы, расстроенных чувств, злости и других эмоций, обеспеченную удаленностью воздействия и возможностью анонимности, (хотя именно на негативные эмоции и рассчитывается) что создает определённый комфорт для виновного и упрощает выбор средств для проявления онлайн-агрессии. Исследователи пишут о том, что происходит подмена реального на виртуальное, в связи с чем коммуникация может исказиться в обе стороны. Доступность информационно-телекоммуникационных сетей стала практически повсеместной, обеспечивая возможность нахождения в социальных сетях пользователя 24 часа в сутки, 7 дней в неделю, что дает возможность преследователю ни прерывать основную деятельность, ни отвлекаться от нее [25, с. 54].

В настоящее время отдельный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за кибербуллинг, отсутствует в уголовном законе. Квалификация кибербуллинга в настоящее время будет осуществляться при наличии признаков имеющихся в уго-

ловном законе иных составов преступлений против личности. Ряд составов преступлений, включающих некоторые действия при проявлении кибербуллинга: ст. 110 УК РФ, 110.1–110.2 УК РФ, 119 УК РФ, 128.1 УК РФ — доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства, угрозы в отношении личности, клевета.

Вместе с тем в условиях отсутствия признаков совершения указанных преступлений, такая агрессия в сети «Интернет» может не повлечь уголовной ответственности, однако причинить существенный вред потерпевшему в виде психологических травм, нравственных страданий и пр.

Авторами, занимающимися решением указанной проблемы, высказывается точка зрения о необходимости для подобных случаев в виду их распространенности вновь криминализовать состав «Оскорбления», (декриминализованный в 2011 г.), но адаптированный к новым условиям, и изложить следующим образом: «Под оскорблением несовершеннолетнего следует понимать систематическое унижение чести и достоинства несовершеннолетнего лица, выраженное в неприличной форме, с использованием информационно-коммуникационных сетей (включая сеть Интернет)» [13, с. 99]. Представляется, что такой подход может быть оправданным. Вместе с тем представляется целесообразным закрепить указанный состав в УК РФ с условием административной преюдиции, т.е. привлекать к уголовной ответственности за указанное общественно опасное деяние при наличии привлечения в административной ответственности в соответствии со ч. 2 ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 14.04.2023).

Заключение и выводы

Результаты научного исследования демонстрируют наличие ряда проблемных вопросов, возникающих при квалификации обозначенных общественно опасных деяний, причиняющих вред личности посредством использования цифровых технологий.

Верная, сообразная духу уголовного закона и научно обоснованная уголовно-правовая оценка «цифровых» преступлений против личности необходима в целях эффективной охраны личности в условиях появления обозначенных «цифровых» признаков, обуславливающих стремительные изменения механизма совершения посягательств. При этом своевременные разъяснения новых явлений преступной деятельности представляют особую важность для правоприменителей в целях формирования единообразия судебной практики и единства применения уголовного закона.

В первую очередь нуждаются в разъяснениях в целях верной уголовно-правовой их оценки деяния, связанные с посягательством на личность, совершение которых обусловлено стремительной цифровизацией, но ответственность за которые прямо не предусмотрена нормами УК РФ. Криминализация таких общественно опасных явлений в виде отдельных норм об ответственности в уголовном законе в целом не представляется целесообразной, поскольку в настоящее время можно обойтись имеющимися уголовно-правовыми инструментами. Так:

- 1) представляется целесообразным осуществлять квалификацию создания и распространения «дипфейков», несущих в себе признак заведомой ложности и порочащих честь и достоинство личности, подрывающих ее репутацию, в соответствии со ст. 128.1 УК РФ;
- 2) такое явление как «сталкинг» или навязчивое преследование лица следует квалифицировать в зависимости от содержания деяния: при собирании сведений о частной жизни лица – в соответствии со ст. 137 УК РФ, при угрозе убийством, при которой потерпевший может реально опасаться за свою жизнь – в соответствии со ст. 119 УК РФ;
- 3) совершение кибербуллинга следует квалифицировать как клевета (128.1 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ) при наличии соответствующих признаков. Вместе с тем травля в сети «Интернет», носящая систематический характер требует новых решений – введения уголовной ответственности за оскорбление, совершенное с использованием цифровых технологий, при наличии привлечения к ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ.

Предложенные в результате проведенного научного исследования следующие рекомендации по дополнению разъясняющих положений Постановлений Пленума ВС РФ, позволят выполнить задачи уголовного права и способствовать минимизации правовых пробелов при квалификации цифровых преступлений против личности. Так:

- 1) следует отразить в п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58 разъяснение, касающееся момента окончания торговли людьми (имеющей важное юридическое значение для квалификации деяния), совершаемой посредством удаленного сопровождения человека из пункта отправления в пункт назначения в виду договоренности совершения в отношении него сделки с использованием цифровых технологий;
- 2) отразить момент, с которого похищение человека посредством беспилотного автомобиля считается оконченным в рамках п. 2 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2019 № 58;
- 3) дополнить п. 12 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 46 положением о моменте окончания незаконного проникновения в жилище с использованием технических средств;
- 4) указать на наличие совокупности преступлений при совершении развратных действий бесконтактным способом в отношении одного несовершеннолетнего неоднократно или нескольких лиц при отсутствии у злоумышленника единого умысла на совершение обозначенного преступления в отношении двух и более лиц, дополнив п. 19 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16;
- 5) закрепить в п. 16 Постановления Пленума ВС РФ от 04.12.2014 № 16 следующее положение: «В соответствии со ст. 135 УК РФ необходимо квалифицировать совершение бесконтактных развратных действий, не включенных в понятие «иные действия сексуального характера», с угрозой применения насилия или без такового».

Представляется, что указанные предложения совершенствования уголовного закона и правоприменительной практики являются в настоящее время оптимальным уголовно-правовым инструментом, способным стать ответом на новые вызовы науке в части использования современных технологий для причинения вреда личности.

Литература

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений ETS № 201 (Лансароте, 25 октября 2007 г.). – URL : <https://docs.cntd.ru/document/499039123> (дата обращения: 01.02.2023). – Текст : электронный.
2. Приложение к постановлению Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 27.11.2020 № 51-24 «Рекомендательные типологии новых преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий». – URL : <https://iacis.ru/public/upload/files/1/917.pdf> (дата обращения: 01.02.2023). – Текст : электронный.
3. Алиева, Е. А. Сеть интернет как средство совершения развратных действий / Е. А. Алиева. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 180-182.
4. Барышева, К. А. Киберсталкинг как новый вид уголовно-наказуемого деяния / К. А. Барышева. – Текст : непосредственный // Союз криминалистов и криминологов. – 2017. – № 1-4. – С. 63-66. – EDN YPMCWЕ.
5. Бимбинов, А. А. Практика применения норм об ответственности за половые преступления (статьи 131-135 Уголовного кодекса РФ) и способы ее совершенствования / А. А. Бимбинов. – Текст : непосредственный // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 191-204. – DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(1).191-204.
6. Бухоризода, Б. Р. Социальные сети и Интернет: новая форма совершения торговли людьми / Б. Р. Бухоризода. – Текст : непосредственный // Академическая мысль. – 2019. – №2 (7). – С. 65-67.

7. Гребеньков, А. А. Проблемы квалификации ненасильственных сексуальных посягательств на лиц в возрасте до 12 лет / А. А. Гребеньков, А. А. Байбарин. – Текст : непосредственный // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2013. – № 4. – С. 61-66.
8. Даниелян, А. Л. К вопросу о введении уголовной ответственности за преследование (сталкинг) / А. Л. Даниелян. – Текст : непосредственный // Научное образование. – 2020. – № 2(7). – С. 515-519.
9. Киселев, А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности / А. С. Киселев. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2021. – № 3. – С. 54-64. – DOI 10.18384/2310-6794-2021-3-54-64.
10. Колодезникова, М. В. Кибербуллинг и его психологические последствия / М. В. Колодезникова, Е. В. Николаев. – Текст : непосредственный // The Scientific Heritage. – 2020. – № 56-5(56). – С. 52-54. – DOI 10.24412/9215-0365-2020-56-5-52-54.
11. Коняхин, В. П. Квалификация развратных действий в условиях применения к потерпевшему насилия или использования его беспомощного состояния / В. П. Коняхин, А. Д. Оберемченко. – Текст : непосредственный // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 37-41.
12. Коробеев, А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной безопасности / А. И. Коробеев, А. И. Чучаев. – Текст : непосредственный // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 2(147). – С. 9-28. – DOI 10.17803/1729-5920.2019.147.2.009-028.
13. Мальцева, В. А. Защита детей от кибербуллинга. Вопросы уголовноправового регулирования / В. А. Мальцева. – Текст : непосредственный // Закон и право. – 2019. – № 10. – С. 95-99. – DOI 10.24411/2073-3313-2019-10463.
14. Морозова, Ю. В. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних : учебное пособие / Ю. В. Морозова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. — 51, [1] с. – Текст : непосредственный.
15. Мотин, А.В. Квалификация половых преступлений: монография / А.В. Мотин; под науч. ред. Ю.Е. Пудовочкина, – М. : Изд-во Триумф, Лучшие книги, 2019. – 231 с. табл. ISBN 978-5-93673-253-9. – Текст : непосредственный.
16. Мясникова, А. М. Криминализация сталкинга / А. М. Мясникова, Е. Г. Цуканова. – Текст : непосредственный // Виктимология. – 2016. – № 3(9). – С. 53-56.
17. Овчинский, В. С. Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры / В. С. Овчинский. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. – 352 с. – Текст : непосредственный.
18. Пантюхина, И. В. Роль сочетания несовершеннолетнего возраста субъекта и потерпевшего в половых преступлениях / И. В. Пантюхина. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского государственного университета. – 2016. – Т. 22, № 4. – С. 225-228.
19. Перина, А. С. Проблемные вопросы квалификации развратных действий, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей / А. С. Перина. – Текст : непосредственный // Криминалистика. – 2022. – № 4 (41). – С. 16—22.
20. Попов, А. Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» от 4 декабря 2014 года № 16 / А. Н. Попов. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 40 с. – Текст : непосредственный.
21. Сапранкова, Т. Ю. К вопросу о совершенствовании направлений уголовно-правовой охраны неприкосновенности частной жизни / Т. Ю. Сапранкова. – Текст : непосредственный // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 3. – С. 389-391.
22. Сичкаренко, А. Ю. Старые проблемы норм о сексуальных преступлениях в новой редакции уголовного закона / А. Ю. Сичкаренко // Общество и право. – 2014. – № 1(47). – С. 95-97. – Текст : непосредственный.

23. Скрипченко, Н. Ю. Уголовная ответственность за похищение человека, незаконное лишение свободы и торговлю людьми: законодательное регулирование и практика применения / Н. Ю. Скрипченко. – Текст : непосредственный // Российская юстиция. – 2020. – № 11. – С. 21-24.
24. Туркулец, В. А. Секстинг в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и виктимологический аспекты / В. А. Туркулец. – Текст : непосредственный // Юридические исследования. – 2020. – № 5. – С. 1-11.
25. Черкасенко, О. С. Феномен кибербуллинга в подростковом возрасте / О.С. Черкасенко // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. – 2015. – № 6. – С. 52-54.
26. Шарапов, Р. Д. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение / Р. Д. Шарапов, Е. В. Смахин. – Текст : непосредственный // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 349-357. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(3).349-357.
27. Энгельгардт, А. А. Система половых преступлений (в контексте примечания к статье 131 УК РФ) / А. А. Энгельгардт. – Текст : непосредственный // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 12(133). – С. 84-94. DOI 10.17803/1729-5920.2017.133.12.084-094.
28. Юрченко, И. А. Сталкер как субъект уголовной ответственности / И. А. Юрченко. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 12(52). – С. 53-61. – DOI 10.17803/2311-5998.2018.52.12.053-061.
29. Collection of Court Case Summaries// Global Report on Trafficking in Persons. 2020. – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/tip/2021/GLOTIP_2020_Court_Cases_Summaries.pdf (дата обращения: 15.08.2022). – Текст : электронный.
30. Аферы с дипфейками: какие угрозы скрываются за искусственными лицами. 12.08.2021. – URL : <https://www.securitylab.ru/blog/company/PandaSecurityRus/351217.php> (дата обращения: 24.04.2022). – Текст : электронный.
31. Кардиостимулятор можно удаленно заставить убить пациента. – URL : <http://hitech.newsru.com/article/17Oct2012/cardio> (дата обращения: 22.01.2021). – Текст : электронный.